

— Где ты?!

— Срочно зайди ко мне в кабинет, дело не терпит отлагательств! — из коммуникатора раздался холодный голос, в котором сквозила едва сдерживаемая тревога.

— Да, сейчас! Сниму скафандр и сразу буду!

На сердце мгновенно стало беспокойно. Морис занимал высокий пост и всегда, даже в самые тёмные времена кризиса, когда человечество столкнулось с инопланетной угрозой, сохранял абсолютное, почти сверхъестественное хладнокровие.

Что же могло заставить его так паниковать?

Хань Цзин терялся в догадках. Он мчался по базе так быстро и выглядел при этом столь встревоженным, что его состояние сразу заметил Роджер.

— Что-то стряслось? — спросил старший сокурсник, принимая у него снятый защитный шлем и детали экспедиционного снаряжения. Хань Цзин раздевался с поразительной, лихорадочной быстротой.

— Мне нужно идти, Роджер. Извини.

— Пожалуйста, приберись здесь за меня.

Не теряя времени на дальнейшие объяснения, Хань Цзин быстро натянул парадный военный мундир и, бросив короткую просьбу удивлённому коллеге, выбежал наружу. Его путь лежал к самому высокому металлическому зданию административного корпуса.

Шаги в пустом коридоре отдавались гулким, размеренным эхом. Тяжёлые армейские ботинки Хань Цзина торопливо чеканили ритм по металлическим плитам пола.

Слева тянулся ряд высоких окон из кристаллов Туаой. С высоты третьего этажа открывался вид на бескрайнюю унылую пустошь Харона, отливавшую мрачным сине-чёрным глянцем. Вдали виднелся провал металлического каньона. Словно гигантский древний змей, этот разлом уходил глубоко под поверхность безжизненного спутника, и конца ему не было видно.

Морис когда-то делился с ним мыслями, очень похожими на те, что высказывал Роджер. Тот металлический каньон на Хароне наверняка был шрамом от древней войны. Чудовищная сила, вспоровшая твердь планеты, пришла извне — мощнейший энергетический удар обрушился на Харон прямо из космоса. Он прошёл сквозь висевшие в небе Звёздные врата, разорвав их на части, а остаточная взрывная волна пробила кору на тысячи километров вглубь. Колоссальный импульс постепенно угасал, отчего каньон сужался клином, уходя глубоко под землю острым наконечником.

"Даже боги несовершенны... И именно они, несовершенные, создали нас по своему образу и подобию..."

Морис говорил то же самое.

Внутри у Хань Цзина всё клокотало от смутного предчувствия. Что встревожило Мориса? Мысли метались, не давая покоя. Он бросил ещё один взгляд на холодный металлический пейзаж за окном. Неужели опять неполадки на Хароне? Или «Аврора» снова не сможет взлететь?

Хань Цзин пришёл в себя, лишь когда добежал до дверей кабинета командующего. Навстречу ему с мягкой, вежливой улыбкой поднялась Кэти, секретарь Мориса. Хань Цзин невольно замедлил шаг. Судя по её спокойному лицу, на базе не произошло ничего катастрофического.

— Генерал! — Хань Цзин вошёл в кабинет и чётко отдал честь. В его тёмных глазах отразилась глубокая тревога при взгляде на стоявшего у окна мужчину.

Морис стоял к нему спиной. Его длинные золотистые волосы волнами спускались на плечи, а силуэт казался прямым и острым, как обнажённый клинок, излучая немую, давящую силу. Он молчал, слегка приподняв подбородок. Холодный, отрешённый взгляд генерала был прикован к парящим за стеклом из кристалла Туаой руинам Звёздных врат.

Разрушенные врата безмолвно дрейфовали в пустоте, испуская слабое призрачное свечение. Вокруг них сновали человеческие истребители и мехи, выполняя сложные виражи в рамках финальных испытаний. Картинка была будничной. Кажется, его худшие опасения не подтвердились?

Хань Цзин сделал шаг вперёд и застыл. У его ног лежала выроненная перьевая ручка — та самая, которой всегда пользовался Морис.

Едва зародившееся облегчение мгновенно сменилось липким страхом. Морис отличался педантичной аккуратностью. Он никогда бы не бросил вещь на пол. Случилось что-то действительно страшное.

Хань Цзин нахмурился. Глядя на эту гордую, сильную спину, он почувствовал, как сжалось от жалости сердце. Морис был уже на пятом месяце беременности. В суровых условиях Харона он заметно сдал и похудел, отчего его осанка казалась сухой и угловатой. Под свободным кителем уже отчётливо угадывался округлившийся живот, хотя красивое лицо осунулось, а подбородок стал заострённым.

Как только Кэти прикрыла за собой дверь, Морис резко повернулся. Его брови были плотно сдвинуты к переносице, а в потемневшем взгляде читалось отчаяние.

— Кэтрин заболела, — глухо произнёс он. — Вчера вечером у неё подскочила температура. До сих пор не могут сбить.

— Как же так?.. Если бы я только был рядом с ней! Если бы мог обнять её прямо сейчас... — Голос Мориса сорвался на хриплый шёпот. В его душе бушевало горькое раскаяние. Зачем он настоял на экспедиции? Если бы он тогда послушал Хань Цзина, отказался от командования «Авророй» и остался дома с дочерью, этого бы не случилось.

— Кэтрин заболела?! Но... что с ней? Что говорят врачи?

Эти слова ударили Хань Цзина обухом по голове. Он застыл, стремительно бледнея. В этот миг он растерялся даже сильнее, чем Морис.

Увидев, как паникует его партнёр, Морис подавил собственный страх. Он понимал, что Хань Цзин моложе и, несмотря на весь свой боевой опыт, в личных потрясениях уязвим гораздо сильнее. Генерал взял себя в руки.

— Просто сильный жар. Всё не так страшно, как ты думаешь, — Морис подошёл ближе и сжал ладонь Хань Цзина. Его голос звучал ровно, без той панической дрожи, что напугала Хань Цзина в коммуникаторе.

— Жар?.. — Хань Цзин глубоко вздохнул, силой заставляя себя успокоиться. Сердце колотилось в рёбра, но он понимал: Морис носит ребёнка, и сейчас именно он, Хань Цзин, должен стать для него опорой. Ему пришлось перехватить инициативу.

— Температура поднимается по самым разным причинам, — Хань Цзин крепко обхватил холодные пальцы Мориса обеими руками. — Кэтрин сейчас под присмотром твоего отца, там полно слуг и первоклассных специалистов. Не переживай. Обычная простуда или лёгкое недомогание тоже вызывают лихорадку. К тому же там Марко. Твой отец привлёк лучших врачей Федерации. Наша девочка в надёжных руках.

Тепло, исходившее от рук Хань Цзина, немного уняло дрожь Мориса, но тень тревоги не исчезла.

— Я понимаю... Но ты ведь знаешь, Кэтрин унаследовала мои гены. Она идеальна. Обычные человеческие вирусы просто не способны её сломить.

— Вот именно потому, что она никогда раньше не болела, мы сейчас так и перепугались, — Хань Цзин притянул Мориса к себе и крепко обнял, утыкаясь подбородком в его плечо. Генерал вздрогнул, но сопротивляться не стал — только в этих объятиях он мог позволить себе быть слабым.

— Мне страшно, Цзин-эр... — прошептал Морис ему на ухо. — Ты не представляешь, что такое

генетическое совершенство. А я чувствую его каждую секунду. Это бесконечный прилив сил, абсолютный иммунитет. После того случая в Атлантиде я забыл, что такое обычная болезнь.

— Ну кто тебе такое сказал? — ласково возразил Хань Цзин. — Помнишь, когда родилась Кэтрин, ты ведь серьезно занемог? Спал сутками напролёт, и я никак не мог тебя разбудить. Я тогда чуть с ума не сошёл от страха. Думал, потеряю тебя. Как бы я жил без тебя, Морис? Слава богу, всё обошлось, и сейчас ты здесь, в моих руках.

Вспомнив былые переживания, Хань Цзин невольно сглотнул подступивший к горлу ком и сжал объятия крепче, словно оберегая величайшее сокровище в своей жизни.

— Наша дочь сильная, верь мне. Генетическое совершенство не может быть абсолютным — в природе вообще нет ничего безупречного. Луна то убывает, то прибывает, да и ты сам тогда заболел. Кэтрин обычный человек, просто её организм крепче. Но и она может подхватить лёгкую инфекцию. Перестань изводить себя. Вечно ты берёшь на себя слишком много. — Скрывая собственный страх, Хань Цзин натянуто улыбнулся, чтобы подбодрить партнёра. — Всё наладится. Через пару дней Кэтрин поправится. А тебе нужно поберечь себя. Поручи часть дел заместителям. Если будешь так изнурять себя, малышу внутри тоже придётся несладко. Не хватайся за всё подряд, иначе организм снова сдаст, и ты опять впадёшь в ту летаргию.

Морис молча прижался к его плечу. Тревога не ушла насовсем, но ледяной панцирь страха, сковавший грудь, дал трещину. Почувствовав, как ладонь Хань Цзина осторожно легла на его заметно округлившийся живот, он сперва напрягся, но затем расслабился и послушно кивнул.

«Аврора» взяла курс на Землю.

Морис действительно постарался переложить часть обязанностей на подчинённых, но статус верховного командующего экспедиции не позволял полностью устраниться от дел. При прохождении через опасный пояс астероидов Сатурна ему приходилось лично контролировать навигационные системы круглыми сутками, отдавая чёткие, выверенные приказы.

Вести о состоянии Кэтрин приходили противоречивые. Генерал Грант Норман, тесть Хань Цзина, регулярно выходил на связь, но твердил одно и то же: состояние внучки колеблется то в лучшую, то в худшую сторону. Морис чувствовал подвох. Он слишком хорошо знал отца. Тот прослужил в армии полвека, прошёл через десятки кризисов и умел виртуозно скрывать плохие новости ради блага близких. Наверняка Грант щадил беременного сына и не договаривал всей правды. Если бы Кэтрин шла на поправку, отец не увиливал бы от конкретики.

На записях видеосвязи генерал Грант выглядел абсолютно спокойным и невозмутимым, но этот безупречный фасад лишь усиливал подозрения. Тревога за дочь и непомерная нагрузка на посту командующего подтачивали силы Мориса. Несмотря на неусыпную заботу Хань Цзина, он таял на глазах, тогда как ребёнок под сердцем развивался стремительно. К моменту, когда

корабль приблизился к орбите Земли, беременность генерала стала очевидна для каждого члена экипажа «Авроры».

Под пытливыми взглядами подчинённых Морис держался с неизменным ледяным достоинством. Его приказы оставались такими же жёсткими и безукоризненными. Лишь когда в иллюминаторах показался знакомый сапфировый диск Земли, в его синих глазах блеснула живая надежда.

Зелёные кроны кипарисов и сосен плавно колыхались под порывами знойного летнего ветра, отбрасывая кружевные тени на ровный асфальт. По обе стороны широкого шестиполосного шоссе тянулись ухоженные живые изгороди. На перекрёстках пестрели пышные клумбы, усыпанные россыпью розовых и лиловых роз, над которыми лениво кружились пёстрые бабочки.

Они вернулись в Эвиду.

Знакомый город встретил их пронзительно-синим небом. Каждая улица, каждый сквер будили воспоминания о прежних временах, полных беззаботного смеха. Как они выбирались всей семьёй в любимый ресторан Кэтрин, гуляли по тенистым аллеям парка, ездили на пляж... Раньше возвращение домой из дальних командировок приносило чистую радость, но сегодня яркие солнечные лучи не грели. Сердца обоих мужчин сковал глухой, липкий страх.

Едва сойдя с трапа «Авроры», они наспех прошли медицинский осмотр, уладили формальности по сдаче рапортов и сразу же пересели на частный флайер, летевший в сторону столичного аэропорта. Кэтрин была очень плоха — эту страшную правду Морису удалось выяснить сразу по прибытии.

Внешне генерал Норман сохранял маску невозмутимости, но его молчание угнетало сильнее любых криков. Хань Цзин сидел рядом, физически ощущая исходящие от него волны глухого отчаяния. Ему самому было не легче: разрываясь от боли и неизвестности, он заставлял себя улыбаться, подбирать успокаивающие слова, стремясь быть надёжным тылом для своего мужчины. Из-за этого Хань Цзин выглядел осунувшимся, под глазами залегли глубокие тени.

Морис сидел вполоборота, делая вид, что безучастно разглядывает проносящийся пейзаж за стеклом флайера. Он явно не хотел обременять партнёра своей слабостью, но его пальцы, сжатые на колене, подрагивали.

— Не волнуйся, — мягко произнёс Хань Цзин, накрывая его ладонь своей. — Мы уже почти на месте.

Морис повернул голову, едва заметно кивнул и крепко сжал пальцы мужа. Они переплели ладони в немом обещании выдержать всё вместе.

Флайер заложил крутой вираж, и на горизонте показался масштабный комплекс больницы Святого Винсента, раскинувшийся на площади более двенадцати тысяч квадратных метров. Это медицинское учреждение мирового уровня обладало передовым оборудованием и являлось закрытой научно-исследовательской базой под прямым патронажем правительства Федерации.

При виде белых корпусов Морис подобрался, слегка придерживая рукой оттягивающий поясницу живот. В его стальном взгляде промелькнуло волнение. Как только аппарат опустился на посадочную площадку, Хань Цзин выскочил наружу и поспешил обойти флайер, чтобы помочь Морису выйти.

На шестом месяце беременности, измождённый постоянным стрессом, Морис выглядел хрупким, из-за чего его живот казался непропорционально большим — гораздо крупнее, чем во время первой беременности Кэтрин.

— На каком они этаже? — спросил Морис, мягко отстраняя руку Хань Цзина. В его голосе вновь зазвучали привычные командирские нотки, обращённые к водителю.

— Шестой этаж, корпус М, господин генерал, — отрапортовал майор Кенн, не смея поднять глаза на своего командира.

Ситуация с Кэтрин зашла настолько далеко, что потребовала прямого вмешательства высшего руководства Федерации. Закрытый корпус М использовался для секретных передовых исследований. Кэтрин с её уникальным, генетически безупречным кодом всегда представляла огромный научный интерес для правительства. Необъяснимая, непрекращающаяся лихорадка у «идеального ребёнка» переполошила ведущие умы медицины. К её лечению привлекли светил науки со всего мира, организовав круглосуточное наблюдение.

— Что с моей дочерью?! — Морис быстрым шагом вошёл в лифт, а когда двери распахнулись на нужном этаже, сразу столкнулся с Марко, спешившим ему навстречу в белом медицинском халате. Голос генерала так и дышал арктическим холодом. — Зачем понадобилось вмешивать Федерацию? Мне говорили, у неё обычная пневмония! Почему она в секретном секторе?! Ты тоже помогал отцу скрывать от меня правду?!

Гнев Мориса вспыхнул мгновенно. Оглядевшись по сторонам и заметив множество незнакомых специалистов, а также дежурившего неподалёку Лэнса, он понял: дело куда серьёзнее, чем он предполагал.

В своё время он пожертвовал бесчисленными часами, которые мог бы провести с малышкой, лишь ради одной цели — оградить её от внимания спецслужб и правительственных лабораторий. И вот худший кошмар стал реальностью. «Круглосуточное наблюдение» — лишь красивая ширма. На деле Кэтрин превратили в подопытный образец, за которым тщательно наблюдали лучшие умы человечества, пытаясь разгадать сбой в её совершенном геноме. Бездушный прагматизм чиновников Федерации Морису, как высокопоставленному офицеру, был знаком слишком хорошо.

Лэнс, отвечавший за безопасность и режим секретности в корпусе М, благоразумно замедлил шаг, не желая попадать под горячую руку разгневанного командующего.

Марко оставался спокоен. В его зеленовато-карих глазах отразилось усталое, но решительное выражение лица кузена.

— Мы с твоим отцом молчали только потому, что беспокоились о твоём состоянии. Условия на «Авроре» тяжелы даже для тренированного организма, а ты носишь ребёнка. К тому же Святой Винсент — единственное место, где её действительно могут спасти. Речь идёт о её жизни, Морис.

— О её жизни?! — обычно сдержанный Хань Цзин побледнел как полотно, его голос сорвался. Он строил самые разные догадки, но боялся даже помыслить о смертельной опасности. Этот страх сидел в груди ржавой иглой, и малейшее прикосновение к нему причиняло невыносимую боль.

Морис тоже внутренне готовился к худшему, но прямое подтверждение заставило его покачнуться. Резкий скачок адреналина отозвался острой тянущей болью внизу живота. Он невольно нахмурился и крепко вцепился в локоть мужа, сдерживая стон.

— Что с тобой?! — Хань Цзин мгновенно среагировал, подхватывая его под руку.

— Всё в порядке... — Морис глубоко вздохнул, пережидая спазм. — Кажется, малыш разбушевался... пнул меня. Где Кэтрин?

Выпрямившись, он вновь устремил на Марко жесткий, требовательный взгляд, не позволяя себе выказать и капли слабости.

Марко на мгновение замялся, в его взгляде скользнуло беспокойство.

— Присматривай за ним лучше, Цзин, он едва на ногах держится, — тихо произнёс он, обращаясь к Хань Цзину. — Кэтрин в той палате. Мы делаем всё возможное... На данный момент кризис удалось купировать, её состояние стабильно.

Он повёл их по коридору к реанимационному боксу по левой стороне и указал на широкое прозрачное стекло.

— Твой отец там. Не отходит от неё ни на шаг.

Сквозь толстое шумопоглощающее стекло было видно, как у кровати маленькой Кэтрин сидит генерал Грант Норман, тяжело оперевшись на свою трость. За те несколько месяцев, что они не виделись, он пугающе сдал и постарел. Исчезла былая львиная выправка, плечи опустились — теперь это был просто измученный пожилой человек, безумно переживающий за внуку.

Старик не сводил глаз с мониторов жизнеобеспечения, боясь пропустить малейшее изменение в состоянии девочки.

Девочка лежала на высокой медицинской кровати под белоснежной простынёй. Её длинные пепельно-серые волосы растрепались по подушке. За нагромождением датчиков и капельниц лица ребёнка почти не было видно — лишь из-под простыни высовывались тонкие детские ручки, испещрённые катетерами. Кэтрин спала под капельницами.

Глядя на эту стерильную, холодную палату и вспоминая весёлый голосок дочери, её капризы и залиvistый смех, Морис почувствовал, как сердце разрывается от боли.

Словно почувствовав присутствие сына, генерал Грант медленно повернул голову. Его тусклый, усталый взгляд встретился со взглядом Мориса через стекло.

— Позволь им поговорить наедине, — Марко мягко придержал Хань Цзина за плечо, увлекая в сторону. — Перед входом в стерильный бокс вам обоим придётся пройти дезинфекцию, чтобы не занести внешние патогены. Всё не так ужасно, иммунитет малышки функционирует, но причину этой затяжной лихорадки мы пока установить не можем.

Оставшись наедине с зятем, Марко отбросил профессиональную маску невозмутимости. В его глазах отразилась глубокая, неподдельная тревога.

— Ситуация критическая, — тихо продолжил Марко. — Твоя главная задача сейчас — беречь Мориса. Ему нужен покой, никаких эмоциональных всплесков. Стресс может спровоцировать преждевременные роды. Да и твои родители... они тоже здесь, в соседнем крыле.

Марко любил племянницу всем сердцем и переживал за неё не меньше родителей. Но долг первоклассного врача обязывал его сохранять холодную голову и гасить чужую панику. Если Марко ещё удавалось держать себя в руках, то с родителями Хань Цзина всё было гораздо сложнее. На другом конце коридора бушевала настоящая буря.

— Доктор Чэнь Хуа, пришли результаты утренних анализов?

— Моей внучке хоть немного лучше?!

— Почему она почти не приходит в себя? Вы же обещали другое!

— Разве это называется «стабильное состояние»?

— Нам твердили про обычное воспаление лёгких! Зачем тогда здесь столько консилиумов, если толку ноль?!

Пожилые супруги буквально зажали в угол одного из дежурных специалистов. Доктор Чэнь Хуа, прижимая к груди папку с историей болезни, растерянно моргал под этим шквалом безостановочных обвинений, не зная, за какой из вопросов хвататься в первую очередь.

Лэнс пытался урезонить разгорячённых стариков. Заметив приближающегося друга, он ободряюще похлопал Хань Цзина по плечу. Этот жест поддержки был тяжёлым, под стать царившей атмосфере. Лэнс отлично понимал Хань Цзина: после того как русалка Симо родил их дочь Хелен, Лэнс сам едва не заработал нервное истощение и обзавёлся первыми преждевременными морщинами от постоянных тревог. Хань Цзин благодарно кивнул другу и подошёл к родителям.

— Мама. Отец.

Мать выглядела изнеможённой и постаревшей, её глаза покраснели от хронического недосыпа и слёз. На лице отца застыла суровая, непривычная маска глухой тревоги.

— Зачем вы здесь? — с болью в голосе спросил Хань Цзин. — Вам не стоило приходить в этот корпус.

— Она моя внучка! Как я мог не прийти?! — сердито буркнул отец.

— Да прекрати ты пререкаться с сыном, не то время! — всхлипнула мать. — Да какая разница, чью фамилию она носит, лишь бы жива осталась! Лишь бы поправилась...

Она не выдержала и разрыдалась. За прошедшие годы Хань Цзин мало что рассказывал о своей семейной жизни, но мать прекрасно понимала, что статус и возможности семьи Мориса находятся за гранью её воображения. Их работа явно была связана со строжайшими военными секретами. И даже здесь, в больнице, от них скрывали почти всё. Медицинские светила сменяли друг друга один за другим, но все они беспрекословно подчинялись приказам генерала Гранта.

В воздухе пахло опасной тайной, и отец Хань Цзина, обладавший большим жизненным опытом, тоже это чувствовал, хоть и старался держать лицо. Хань Цзину пришлось взять себя в руки и утешать родителей, выслушивая сбивчивые жалобы матери. Она винила генерала Гранта в том, что тот сообщил им о болезни внучки лишь после её госпитализации. Твердила, что военные не умеют ухаживать за детьми, и будь девочка с ними, ничего бы не случилось. На душе у Хань Цзина было невыносимо тяжело, грудь словно сдавило гранитной плитой. Необходимость разрываться между переживаниями за дочь, поддержкой беременного мужа и успокоением рыдающей матери натянула его нервы до предела. В висках застучала острая, пульсирующая боль.

Вдруг над коридором разнёсся тяжёлый, глухой стук.

Из бокса вышел генерал Грант. Он с силой опустил трость на мраморный пол и окинул

присутствующих суровым, пронзительным взглядом. Шум мгновенно стих.

— Хань Цзин, иди к Морису, — хрипло, но властно произнёс старик после недолгой паузы. — Ступайте в палату. Кэтрин всякий раз, как приходит в себя, зовёт вас обоих.

<http://bllate.org/book/19677/2006493>